

БОНДАРЧУК МЕНЯ ТЕРПЕТЬ НЕ МОГ, А НА ЭКРАНЕ БЫЛА ЛЮБОВЬ

ШУТКА МАСТЕРА

Две первые главные роли – Тани в одноименной пьесе Арбузова и Ольги в его же пьесе «Годы странствий» – стали для меня как бы пропуском в новый фильм. «Таню» и «Годы странствий» Вильнюсский театр привез на гастроли в Ленинград. Там вскоре меня пригласили на киностудию «Ленфильм» на кинопробы. Запускался фильм «Неоконченная повесть». Снимал его Фридрих Маркович Эрмлер. Я знала, конечно, что это великий режиссер, и очень хотела сниматься у него. Для этого надо было, как и обычно, пройти пробы. Тогда ведь не брали актрису или актера, как сейчас: режиссер хочет (что касается актрис, то иногда в буквальном смысле), приглашает – и все. Тогда были конкурсы на роль. Я выиграла эту пробу.

К этому времени я заканчивала работу уже во втором своем фильме «Богатырь» идет в Марто». Напомню, что в моем первом фильме, «В мирные дни», я сыграла врача, позже мне еще несколько раз приходилось выступать именно в этом амплуа. Роль была никакой, хотя, к моему удивлению, фильм продолжает жить, и его совсем недавно показали по телевидению в годовщину гибели подводного крейсера «Курск». Это ни с чем не сравнимое чувство – увидеть себя на экране совсем юной, словно бы вновь окупиться в давно минувшие времена с их страстями и наивными надеждами.

Но вспомнила я об этом фильме вот почему. Когда Эрмлер посмотрел «Богатырь» идет в Марто», он – человек прямой – сказал:

– Если бы я увидел его раньше, ни за что не пригласил бы вас в «Неоконченную повесть».

Я не могла ему объяснить, почему так бледно выгляжу в фильме. А было так... Оператор Шамшурин полез ко мне с поцелуями. И я, отталкивая его, произнесла очень резкие слова. Мне было жутко противно. Такой характер: если человек мне не нравится, так ему лучше ко мне не подходить. Я его со злостью отшвырнула, а он, упираясь, буквально прошипел:

– Я тебя так сниму, что тебя вообще никто и никогда не будет снимать.

У оператора много возможностей показать актрису на экране в очень невыгодном свете. Шамшурин «постарался», и отзыв Эрмлера это подтвердил.

Я страшно огорчилась и лишь позже поняла, что он так своеобразно пошутил. Я была очень доверчивой, и меня часто разыгрывали.

ОБИДЫ И ВОСТОРГИ

Моим партнером был Сергей Бондарчук – тогда молодой, очень красивый, еще не «забронзовевший». У меня не сложились с ним отношения. К сожалению, это отразилось потом на моей жизни. И даже сегодня, когда я сталкиваюсь с людьми, которые работали с Сергеем Федоровичем, с его поклонниками, родственниками и друзьями, чувствую их отрицательную энергию по отношению ко мне. Приходилось не раз слышать в киношной среде, что у него был тяжелый характер, временами он мог быть просто нетерпим. Возможно, это и так. Но он был при всем при том очень талантливым человеком. Наша интуитивная неприязнь – так бывает – никак не сказалась на фильме – зрители ее не только не заметили, они восхищались чистотой взаимоотношений героя и героини. Потом мне доводилось играть со многими замечательными актерами,

Четвертого апреля выдающаяся актриса российского театра и кино Элина Авраамовна Быстрицкая отмечает свой юбилей. К этой дате издательство «Вагриус» выпускает книгу ее воспоминаний «Встречи под звездой надежды». Орывок из этой книги мы предлагаем вниманию наших читателей. Редакция «Вечернего клуба» присоединяется к поздравлениям, которые звучат в эти дни в адрес нашей любимой актрисы, и желает ей еще многих и многих лет насыщенной, яркой, красивой творческой жизни.

Самая знаменитая роль Элины Быстрицкой – Аксиныя в «Тихом Доне» (1957).

С Михаилом Ульяновым в фильме «Добровольцы» (1958).

Оператор Шамшурин полез ко мне с поцелуями.

Я его со злостью отшвырнула, а он, упираясь, буквально прошипел: – Я тебя так сниму, что тебя вообще никто и никогда не будет снимать...

ми, но Сергей Бондарчук – первый из них.

Памятны мне и встречи с Софьей Владимировной Гиацинтовой, с которой мы вместе играли в «Неоконченной повести». Общение с большими мастерами всегда являлось для меня школой. Каждый раз я чувствовала, что познаю то, что мне не было дано смолоду, что не могла получить в юные годы. Я смотрю на своих коллег, которые выросли в окружении мастеров театра или кино, писателей – у них все получалось как-то легче, потому что генетическая память существует как бы сама по себе, но, кроме того, есть еще память детских лет. Все знают, что если в детстве мы изучаем какой-либо язык, то он остается с нами навсегда. А у меня были большие пробелы из-за войны, жизни в провинциаль-

ном тихом украинском городке, и мне многое приходилось познавать уже позже, будучи взрослой.

ТОЛЬКО СТРИЖЕНОВ!

Кроме съемок, у меня проходили очень интересные пробы. Мне предложили попробовать на роль Джеммы в «Оводе». Я пришла, уже загримировавшись, в павильон. Мне очень хотелось тогда играть все, что только возможно. А Джемма в «Оводе» – это же так здорово! На роль Овода пробовался замечательный Олег Стриженов. Черноволосого красавца я увидела в фотоцехе, куда меня привели делать фотографии. А когда пришла репетировать – там сидел другой актер, какой-то блондин. Достаточно милый, но я прежде всего почему-то заметила веснушки... Я не хо-

тела репетировать с «блондином», была уверена, что буду играть со Стриженовым. Так и уехала, решив, что Олега подменяют другим актером: характер все-таки проявляется. Нет и нет! Я прямо сказала, что вижу себя в фильме только вместе со Стриженовым.

Недавно разговорились с Олегом на какой-то очередной киновстрече. И я напомнила ему об этом эпизоде. Он его запомнил совсем иначе, но оба мы немножко пожалели, что тогда судьба не свела нас вместе в одной картине. Олег очень уважительно относится ко мне, а я считаю, что он блистательный артист, который, к сожалению, не так востребован, как подобает человеку его таланта. Многие мог бы сыграть – и в молодые годы, и сегодня...

ПРОСТАЯ ИСТИНА

Когда началась работа над картиной, я поняла, какое это счастье быть рядом с таким режиссером, как Эрмлер. Никакие институты не могли научить мастерству лучше, чем он! Он был удивительно тактичный и чуткий человек. Вспоминаю, как меня сильно обидел мой партнер Сергей Бондарчук, бросив в мой адрес какие-то грубые слова – не хочется даже вспоминать. Я расплакалась, грим испортился. Меня успокаивали, а Эрмлер спросил:

– В чем дело?

– Не буду сниматься с Бондарчуком! – сквозь слезы и всхлипы заявила я.

Эрмлер понял меня и в тот съемочный день стал сам моим партнером. Меня снимали крупным планом, а моего «партнера» так, чтобы не была заметна подмена.

Я обиделась на Бондарчука, но все-таки мне пришлось понять простую истину: создавать что-то действительно ценное можно, лишь переступая через обиды и прочие эмоции. Входи в роль и делай то, что должен делать персонаж. Требуется время, чтобы к этому привыкнуть.

ПЕРВОЕ ПРИЗНАНИЕ

После премьеры – естественно, в Москве и Ленинграде – «Неоконченная повесть» начала неторопливое шествие по экранам страны. Копий было мало – за этим не скрывался злой умысел, просто сэкономили на пленке. Прошло довольно много времени, прежде чем наш фильм добрался до Камчатки, где служил отец. Мама тогда гостила у него. Вдвоем они посмотрели фильм... Он произвел на них большое впечатление: родители с трудом верили, что на экране – я, их дочь. Была зима, Петропавловск-Камчатский заметала зvirепная пурга, ночь начиналась рано – темень и круговороты снега. Между домами и вдоль улиц были протянуты канаты, и люди шли, держась за них, чтобы пурга не сбила с ног, не унесла, не замела. Так, каждый вечер мама и папа, держась за эти веревки, ходили в кинотеатр на встречу со своей своенравной дочерью. Они приглашали с собою друзей и очень гордились мной. Как мне хотелось быть в эти часы с ними!

...Успех был триумфальным. В одной рецензии я прочитала, что это фильм о духовном мире советской интеллигенции. Боже мой, какова была тогда привычка к штампам, к подготовленным кем-то для нас формулам!

Все, кто играл в «Неоконченной повести», считали, что мы делаем фильм о волшебной силе любви – к женщине и к жизни.

С сокращениями.

Заголовки даны редакцией «ВК». ■